

Юноша в расшитых золотом одеждах верхом на статном скакуне излучал непринуждённое обаяние, но в то же время от него веяло такой аристократической надменностью, что на него невозможно было смотреть прямо.

Лишь родинка под правым глазом — размытое коричневое пятно, тянущееся от уголка глаза к виску — слегка смягчало этот образ, добавляя нотку легкомысленного шарма.

Казалось, даже если бы он совершил что-то дурное, это выглядело бы всего лишь озорной шалостью, на которую невозможно сердиться.

Хотя в башне Цишэн его не знали, но по манерам сразу поняли, что перед ними знатная особа. Управляющий поспешил ответить:

— Господин, мы ловим сбежавшего раба.

Слуга юноши что-то шепнул ему на ухо, по-видимому, объясняя ситуацию.

Юноша лениво подогнал коня поближе, наблюдая, как слуги скрутили мальчишке руки за спиной и подняли его.

Кто-то сорвал повязку с лица маленького раба и прижал к его носу и рту пропитанный наркотиком платок.

— Осмелился сбежать? Дерзкий малый. Но разве можно так шуметь на улице? — Юноша показал кнутом на людей вокруг.

— Да-да, — закивал управляющий. — Господин совершенно прав.

Показалось ли ему, или маленький раб, пока его уносили, не отрывал взгляда от юноши, а затем постепенно прекратил сопротивление и закрыл глаза?

Юноша понаблюдал мгновение, затем махнул рукой:

— Пойдём.

Управляющий поклонился, собираясь уйти, но юноша снова спросил:

— У того ребёнка... что с глазами?

— Господин проницателен, — услужливо ответил управляющий. — Он таким родился, большая редкость. Если хотите взглянуть на этого уродца, приходите как-нибудь в башню Цишэн. У нас

отличный чай и вино, сможете рассмотреть его как следует.

— Шиянь, слышал, какой прохода? — Юноша усмехнулся, обращаясь к спутнику в белом. — Я всего два вопроса задал, а он уже хочет с меня денег содрать.

Бай Шиянь не сдержал смешка:

— Брось, все знают, что ты скупец.

— Врёшь, — юноша слегка щёлкнул кнутом, двигаясь дальше. — Будь я скупцом, разве позволил бы тебе столько лет меня обирать?

Бай Шиянь поехал рядом с ним неспешной рысью:

— Чунмин, ты раньше видел того ребёнка?

Лю Чунмин поднял бровь:

— Ты его знаешь?

— Ещё как! Когда-то он был достопримечательностью столицы. Разве ты не бывал в башне Цишэн...

Бай Шиянь резко замолчал, тут же пожалев о своих словах. Лю Чунмин был там лишь однажды — именно в тот день, когда с родом Лю случилась беда.

Он искоса взглянул на Лю Чунмина, но тот, казалось, не обратил внимания на его оговорку, и Шиянь продолжил:

— Говорят, этот паренёк постоянно сбегал, устраивая переполох. Давно не слышно о нём — думал, уже забили до смерти, а он всё жив.

Лю Чунмин кивнул:

— Столько раз бежал и выжил? Непохоже на Ду Цюаня. Видимо, в нём есть какая-то ценность?

— Всё-таки делец в этом отношении хитёр, — Бай Шиянь не знал, хвалил он Ду Цюаня или порицал. — Иероглиф «ци» в названии башни Цишэн изменили именно из-за него. Гадает на табличках — говорят, никогда не ошибается.

Лю Чунмин фыркнул, не удостоив это комментарием.

Бай Шиянь знал его отношение к подобным вещам и лишь усмехнулся:

— Просто забавно, никто же не принимает это всерьёз. Много лет назад отца пригласили на пир, мы с Шилэем поехали с ним. Тогда в башне Цишэн я впервые увидел того мальчишку.

Лю Чунмин ненадолго задумался, и его внимание переключилось:

— Дядя терпел всю эту чепуху?

— Деловой ужин, куда деваться? Приглашение было от евнуха Юя, не откажешься.

— Евнуха Юя? — Лю Чунмин медленно перестал улыбаться. — И что дальше? Гадание? Каков результат?

Этот человек знал толк в угождении вышестоящим. Неспроста он пригласил дядю.

— Какой результат? Весь мир знает, что сейчас модно и прибыльно. В одной столице сколько самозванных «бессмертных» и гадалок, не говоря уж о том, что ребёнок и правда странно выглядит.

Лю Чунмин с облегчением вздохнул:

— Я давно слышал, что Ду Цюань ненасытен. На такое он способен. Но разве отсутствие результата не подрывает его репутацию?

— Вот потому он и пройдоха, — сказал Бай Шиянь. — Он заранее предупредил, что если всё спокойно, без взлётов и падений, то и гадать не о чем.

— Совсем свихнулся, считает всех дураками?

— Именно. Хоть бы умного нашёл для своих плутней. Пусть поучится у тебя, — Бай Шиянь рассмеялся. — Тот ребёнок был как немой — на вопросы только головой мотал. Отец, видя, как он дрожит от страха, сжалился и велел нам вывести его погулять.

— Шилэю это должно было понравиться, он любит возиться с малышней.

— Да куда там его вывести! — Бай Шиянь позволил коню перейти на мелкую рысь, копыта отбивали чёткий ритм по каменной мостовой.

— Он дичился, голову не поднимал, не плакал и не смеялся, только стоял на коленях и кланялся. Скучно. Потом мы его больше не видели.

— Угу, — Лю Чунмин ответил рассеянно.

— О чём задумался? — поддразнил Бай Шиянь. — Уже сам хочешь открыть гадальную лавку?

Лю Чунмин взглянул на него:

— Не верю в духов и демонов.

Бай Шиянь рассмеялся:

— Говоришь, не веришь, а сам позвал меня в храм Наньлу.

— Не верить — не значит не уважать, — улыбнулся Лю Чунмин. — Шиянь, помнишь тот сон, о котором я тебе рассказывал?

— Опять проблемы? — Бай Шиянь нахмурился. — Талисман не помогает?

В детстве его двоюродный брат тяжело болел, и если бы не настоятель храма Наньлу, читавший сутры, он бы не выжил. С тех пор Лю Чунмину снился один и тот же сон, и лишь талисман, полученный от настоятеля, немного помогал.

— Угу, — Лю Чунмин закрыл глаза, вспоминая. Каждая деталь сна отпечаталась в памяти, будто он пережил это наяву.

— Всё тот же сон, будто начало четвертого месяца. Я в академии Цзиньси, выхожу из библиотеки, прохожу павильон Каошань, на котором висит медный колокол с трещиной. Вокруг цветут деревья. Затем иду по мосту к южному коридору.

Бай Шиянь слышал этот сон не раз. Они оба учились в академии Цзиньси, и Лю Чунмин до сих пор иногда возвращался туда, помогая наставникам присматривать за младшими учениками.

Но в этом сне коридор казался бесконечным, и Лю Чунмин шёл по нему до самого пробуждения.

— Но на этот раз сон изменился. Я шёл вперёд и увидел поворот.

Даже под палящим солнцем Бай Шиянь почувствовал холодок:

— Дошёл до конца?

— Да. Более того, я завернул за угол и увидел, как второй сын министра Яо со своими подручными издевается над кем-то.

— Почему тебе приснился именно он? — Бай Шиянь не понимал, хотя сон казался правдоподобным — второй сын министра Яо славился тем, что обижал слабых учеников.

— Над кем они издевались?

Лю Чунмин задумался:

— Увидев меня, они убежали, оставив одного человека на коленях. Кажется, я назвал его по имени.

— Ты его знаешь?

— Нет... — Лю Чунмин покачал головой. — Не помню, какое имя произнёс во сне. И прежде чем он поднял голову, я проснулся.

Хотя этот сон повторялся, он не верил в мистику. Но образ, увиденный во сне, вызывал в нём противоречивые чувства — одновременно крайний страх и крайнюю жажду.

Будто Небо насмехается над его упрямством, заставляя, как и императора, отвернуться от людей и обратиться к духам.

Бай Шиянь, видя его молчание, слегка хлестнул его коня кнутом:

— Пойдём, спросим настоятеля.

Храм Наньлу был недалеко от столицы, и они доскакали туда до полудня. К сожалению, настоятель был в затворничестве, и им не удалось его увидеть.

Выйдя из храма, Лю Чунмин долго смотрел на далёкие горы.

Ранняя весна — почки ещё не распустились, видны были лишь голые ветви.

Кора старых персиковых деревьев под солнцем отливала тёмно-красным, издали напоминая тлеющие угли, готовые вспыхнуть при малейшем дуновении.

Пламя снова охватило дальние земли, добравшись до павильона Звезд.

На лестнице снова раздались торопливые шаги, будто множество людей поднималось наверх.

Знакомая картина вызвала смятение.

Цзинчэнь и Бай Шилэй? Снова повезут по улицам? Снова бесконечные пытки... но зато снова увидит его...

А потом? Снова окажется перед Пань Хэ?

Что из этого сон, а что явь?

В полузабытьи Цюй Чэньчжоу не успел разобраться, как в лицо ему плеснули ковшом ледяной воды. Он закашлялся, выплёвывая воду, и окончательно очнулся.

В тюрьме его не раз так будили. Он ожидал увидеть тусклый свет и окровавленные орудия пыток, но на этот раз перед ним было другое знакомое место.

Башня Цишэн.

Как говорили старики, раньше здесь была дровяная кладовая, но из-за сырости её забросили, а непокорных рабов приводили сюда для наказания.

С детства он был здесь завсегдаем.

Хотя он знал, что отец сам подписал контракт о его продаже, но кроме дома ему некуда было бежать. Он изо всех сил пытался вернуться туда.

Увы, он был слишком мал, чтобы помнить, где его дом. А его внешность была слишком примечательна — все знали, чей это ребёнок.

После каждой попытки побега его приводили сюда. Шрамы наслаивались на шрамы, и после нескольких лет боли он перестал пытаться бежать.

Цюй Чэньчжоу опустил голову, видя свои не касающиеся пола босые ноги.

Верхнюю одежду уже сняли. Ему не нужно было смотреть на грубую верёвку, державшую его руки над головой, чтобы понять, что его ждёт.

— Мерзавец! — раздался яростный рёв, и чья-то нога врезала ему в живот.

Кто-то поспешил вмешаться:

— Управляющий, не гневайтесь! Братец Цюй ещё совсем ребенок, ничего не понимает. Простите его!

Удар был такой силы, что Цюй Чэньчжоу закачался, чувствуя, как желудок переворачивается. Он поднял голову, тяжело дыша.

С тех пор как он попал в башню Цишэн, он находился под присмотром управляющего Линя. Иногда тот сам наказывал его.

Он больше всего полагался на управляющего Лина, но после Ду Цюаня больше всего боялся именно его.

Лишь попав во дворец и повидав жизнь, он осознал, что если бы не защита управляющего Линя, его давно забили бы до смерти.

Когда его вели по улицам, он видел, как поседевший управляющий Линь шёл за толпой, украдкой вытирая слёзы.

И вот они снова встретились. Цюй Чэньчжоу испытывал радость и смятение. И боль, и сам управляющий Линь казались такими реальными.

Неужели это не сон? Неужели он не умер?

<http://bllate.org/book/15643/1398424>